

было бы увидеть не только словесную игру (о них интересно пишет С. С. Аверинцев). Небезусловно ограничение нормами Trivialliteratur ориентации на читательские вкусы у таких писателей, как Пселл и Никита Хониат. В данном случае скорее имеет место, как показал Я. Н. Любарский, обращение к своего рода интеллектуальной элите.

Для современного литературоведения свойственно и более пристальное внимание к пространственно-временной организации материала писателем в произ-

ведении. Очень важно было бы сравнить структуру хотя бы исторических сочинений у византийских писателей; одной констатации принципов изложения событий в той или иной хронике — «по годам» или «по царям» — уже недостаточно.

Наконец, при комплексном анализе историко-литературного процесса только убедительнее будет доказано положение о развитии, движении византийской литературы, ее самоликости и самостоятельной ценности. В конечном счете выигрывает принцип историзма.

М. В. Бибиков

Д. Овчаров, М. Ваклинова. Ранновизантийски памятници от България, IV—VII век. София, 1978. 74 с. + 147 илл.

Работа Д. Овчарова и М. Ваклиновой, посвященная анализу памятников, обнаруженных в процессе археологических раскопок на территории Болгарии, состоит из четырех глав: «Градостроительство и архитектура», «Мозаики и стенописи», «Каменная пластика», «Художественная обработка металла». Предлагаемый вниманию читателя материал характеризует городскую культуру, городские ремесла; поэтому раздел, посвященный градостроительству, так органически связан с общим содержанием книги. В этом разделе болгарские исследователи знакомят нас с изменениями, которые произошли в архитектуре города в IV—VII вв., отмечая при этом, что сильный отпечаток на развитие городов, прежде всего небольших по своим размерам, наложили социально-экономические изменения в данную эпоху. Существенное влияние оказали и непрекращающиеся варварские нашествия. Все это имело своим результатом то, что даже в таких крупных городах, как Сердика, Марцианополь, Филиппополь, Августа Трояна и другие, гораздо реже, чем в предшествующее время, ведется крупное строительство. Исключение составляет ремонт оборонительных стен, которые вызвали постоянные заботы византийской администрации. В принципах строительства оборонительных сооружений наряду с развитием античных традиций вырабатываются новые элементы, и это позволяет рассматривать период IV—VII вв. как переходный от античной к средневековой фортификации.

Планировка стен в большей мере, чем прежде, подчиняется условиям рельефа местности, что значительно увеличивает обороноспособность города. Отбрасывается классический прямоугольный план, характерный для римского поселения. Увеличивается количество башен и ворот, размещение которых целиком подчинено рельефу. Изменяется план башен — появляются пятиугольные и треугольные башни, более устойчивые против стенобитных орудий. Работы по улучшению фортификационных качеств городских стен приводят к появлению в V в. передней стены — протейхизмы. Указанные черты крепостного строительства характерны для всех изученных на

территории Болгарии городов: Сердики, Месемврии, Филиппополя и др.

Однако этот обобщающий вывод авторов вызывает возражение. Безусловно, в фортификации происходят значительные изменения, что блестяще доказал в своей диссертационной работе и ряде статей, посвященных крепостным сооружениям V—VII вв., Д. Овчаров. Но ни в одном из существовавших в предшествующее время городов (Сердика, Филиппополь) в рассматриваемый период не произошло кардинального изменения линии обороны. Более того, многие исследователи этой эпохи отмечают значительную роль в крепостном строительстве античных традиций<sup>1</sup>.

Далее Овчаров и Ваклинова отмечают рост территории крупных городов за счет исчезновения небольших городских центров, — тезис, уже высказывавшийся в литературе относительно периода IV—VII вв.<sup>2</sup> Было бы чрезвычайно интересно подтвердить его наблюдениями, возникшими в ходе археологических исследований, тем более что число раскопанных или раскапываемых в настоящее время городских центров, существовавших на территории Болгарии в указанный период, значительно больше, чем в каком-либо другом районе. К сожалению, авторы не делают этого и ограничиваются лишь замечанием о том, что «ранневизантийский город в болгарских землях все еще слабо изучен и поэтому полная картина византийского градостроительства не может быть представлена» (с. 10).

Другой отличительной чертой рассматриваемого времени является, по мнению авторов, исчезновение монументальности города: исчезают форум, внушительные общественные постройки, широкие

<sup>1</sup> См.: Станчева М. Усвояването на античното наследство на Сердика от средновековния Средец. — Известия на Българско историческо дружество, 1974, 29; Claude D. Die byzantinische Stadt im 6. Jahrhundert. München, 1969, S. 22—38.

<sup>2</sup> Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. Л., 1974.

улицы. Единственным общественным сооружением становятся базилики. Домостроительство подчиняется требованиям рационализма и экономии, что приводит к господству однокомнатных жилищ, которые зачастую пристраиваются к разрушенным античным зданиям. Примером таких построек являются жилища в Шуменской крепости, Ятрусе и других городах. В то же время возникают такие строения, которые имеют некоторые черты античного плана, например постройка V—VII вв. в Велико-Тырново на холме Царевец (с. 12).

Исследователи останавливаются на наиболее распространенных типах культовых сооружений (базилик, гробниц), описывая их конструктивные особенности (с. 13—18), а также интерьер зданий. Они отмечают, что в развитии ранневизантийских (христианских) мозаик можно проследить три периода. Отличительной чертой является то, что мозаики стен и пола создаются только в базиликах (исключение составляет Хисарская гробница). Мозаики в частных зданиях после IV в. не известны. В IV в. еще сохраняются принципы эллинистического «иллюзионизма», который проявляется в изображении на мозаичном панно различных фигур. С конца IV в. развивается пуританский стиль, для которого характерно использование преимущественно геометрического орнамента; в это время грубее становится техника, менее богатой — цветовая гамма. В V—VI вв. наблюдается возврат к фигурным изображениям, в которых исчезает пластичность раннего времени, появляется схематизм; изображения (прежде всего животных и птиц) превращаются в часть орнаментально-декоративной схемы. Анализ мозаик, сохранившихся на территории Болгарии, позволил Овчарову и Ваклиновой прийти к выводу о творческом начале и высокой технике местных мастеров. Как и мозаики, для культовых построек была характерна настенная живопись. По мнению исследователей, здесь наиболее ярко проявляются старые эллинистические традиции, особенно сильные и действенные в балканских землях. Однако и они претерпевают изменения в плане отхода от античного реализма к условности и символизму новой христианской эпохи (с. 26). Чрезвычайно интересным в данном разделе является выделение изображений — граффити, нанесенных поверх фресок, которые характеризуют народную струю в художественной культуре. Характерно, что эти рисунки изображают предметы, не связанные с христианской символикой.

Глава, посвященная каменной пластике, начинается с декларативного за-

явления: «Византийское искусство чувствительно к цвету, но почти безразлично к пластическому проявлению» (с. 31). Это заявление авторов предопределяет характер анализа описываемых ниже памятников, которые представлены в следующих разделах: 1) круглая скульптура, 2) фигурный рельеф, 3) надгробный рельеф, 4) декоративная пластика.

Прежде всего следует отметить, что дело не в безразличии византийского искусства к пластическому проявлению, а в общей тенденции развития раннехристианского искусства, которому свойствен определенный схематизм. Памятники же, которыми мы располагаем, относятся именно к культовым постройкам, будь то скульптурные изображения (чаще всего Доброго пастыря), известняковые (реже мраморные) плиты (изображение Христа и Богородицы, найденное около Силистры), капители или алтарные преграды.

Что касается главы «Художественная обработка металла», то следует прежде всего отметить, что название ее несколько расходится с содержанием. В разделе анализируются находки украшений, распространенных во всем Средиземноморье, и церковной утвари, которая в значительной мере привозилась из Сирии и Палестины (с. 60). Поэтому авторам для характеристики местных художественных промыслов пришлось ввести в этот раздел данные о развитии местной глиптики (с. 62), художественной керамики и стекла.

Анализ памятников IV—VII вв. приводит авторов к выводу о том, что на территории Болгарии в византийское время существовала местная художественная традиция, оказывающая влияние на развитие разнотипической культуры Византии. Балканский полуостров был как бы посредником в усвоении некоторых элементов варварских культур, которые вливаются в художественное творчество Византии, придавая оригинальность и своеобразие новой, средневековой по духу византийской культуры.

Следует отметить как достоинство настоящего издания прекрасно выполненные иллюстрации, подтверждающие наблюдения авторов.

Сожаление вызывает отсутствие научного аппарата, замененного небольшой библиографией (с. 74). Это тем более огорчительно, что в трактовке некоторых положений имеются и другие мнения, которые представляют интерес для читателя первого болгарского исследования по истории ранневизантийской культуры.

А. И. Романчук

Е. Бакалова. Бачковската костница. София, 1977, 248 с.

Книга Е. Бакаловой посвящена исследованию росписи церкви-гробницы Бачковского монастыря. Эта проблема представляется важной и интересной уже потому, что данный памятник является одним из немногих украшенных росписью сооружений подобного типа, сохранив-

шихся среди памятников восточнохристианского искусства. Исследование росписи Бачковской костницы не только открывает дополнительные данные к истории живописи эпохи Комнинов, но, что особенно важно, освещает вопросы взаимоотношения болгарской и гру-